

Кирилл Кошкин

Междумартие

Кирилл Кошкин

Междумартие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805335

ISBN 9785447461454

Аннотация

Книга представляет продолжение авторской серии «Фальсификации и подделки». На этот раз на суд читателю представлены расшифрованные сигналы электроэнцефалограммы (ЭЭГ) и переведенные вручную текст и иллюстрации. Так как волны были изъяты из головы Кошкина Кирилла, то и авторство его.

Междумартие

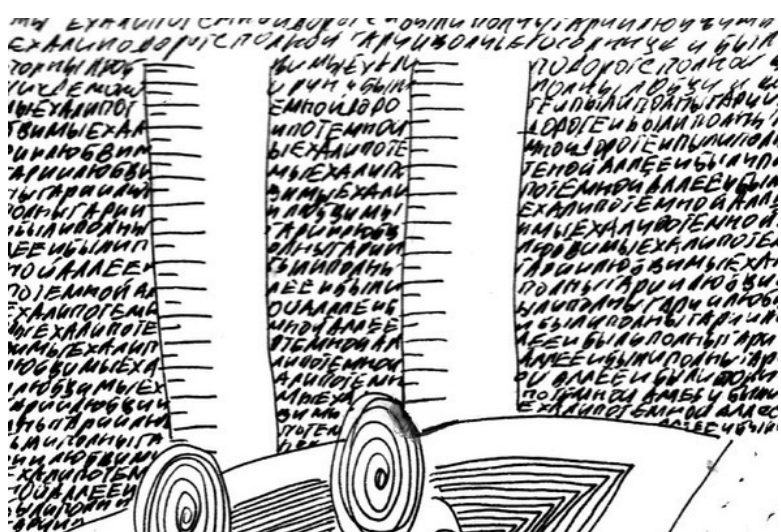
Кирилл Кошкин

Текст и рисунки созданы по мотивам электрической волновой активности головного мозга, зарегистрированной специальным прибором

Для генерации активностей была использована голова человека под псевдонимом К. Кошкин. Так что автором текстов и рисунков считается он весь

© Кирилл Кошкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

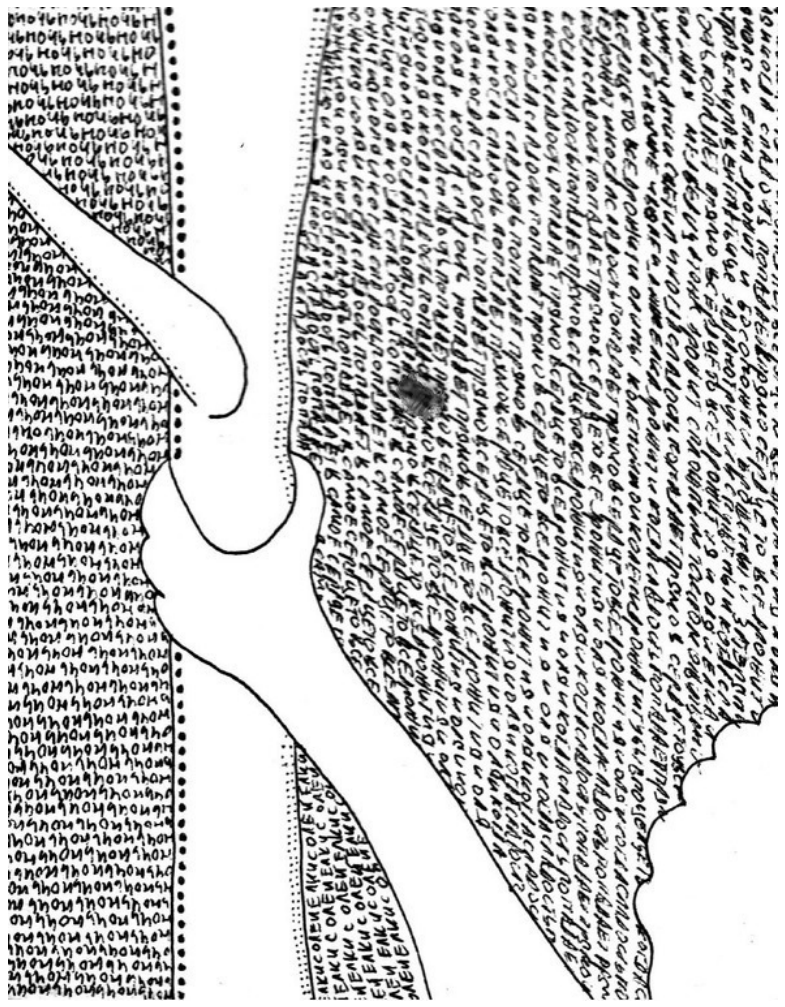
открывается потом (рис. Кошкин К.)

Сидит и светится вся. Вся-вся-вся. Зеленеющими глазами голубыми бесстыжими ласково пройдетя по тягучим нотам пупочным и застыдится. Тоже бесстыже и ласково. Так, что случилось вроде. Или просто на ветру паутинкой потрепало ветви со связью. Ловушечка со стоном нагим. Еще где-то живот мягкий бел. Ешь-ешь. Там еще будет. Прижимай-прижимай. Влажный по влажному еще нежней скользит. Остановишься, да продолжишь. Руки сердечные лодочкой сложишь, нырнешь, а за ушами уж нега плетет сеть, как на бедрах. Увязывает все. Уплетает-заплетает косу с лентами тихой радости. И рождается легко и колышет-перебирает без хитрости. Крона дрожит, сверкает, качается и летишь белым лепестком по сытой реке цветения и впадаешь в зеленую лохмь-топь-омутище. Стелешься в мураве и лежишь раскинувшись, как перед войной. Все в светлом и ты. Все замедляют, тянут минуты и ты. Потом все бросил, да пошел. Лепесты летят, плетут, связывают. Улыбаешься на мосту – значит и за ним сможешь. Накалякал сейчас, значит и потом начеркаешь. Пропустил удар сердца коснувшись колен – значит...

Сумерки лужнецкой детской площади. Фрагмент мужского сообщества возился на лавке. Потом затих. А когда стали целоваться живот к животу, не выдержал и ушел в чащу, тяжело вздыхал и, охая, ломал ветки, хрустел и шуршал уже чем-то совершенно своим. Потом уже не вздыхал, не бранился шепотом, а неистово ломал общественную природу ночью. И свою нескладную тоже не жалел. Целоваться просто. Сближаешься на поводке широких зрачков и втягиваешься в воронку поцелуя, а потом что-то делаешь, но лишь как вода на камушках. Касание, дыхание, трепещущее малым, ощущение горячего извне. Провал. Рука в волосах одним и тем же движением выдает сладострастие. И еще движение. Течение чего-то в теле пока еще другого навстречу тебе. Поездка строго прямо. Не тянет свернуть. Парк. Видишь в темно-синих радужках потемки потаенные. Сильные. Волочет по земле распущенным желанием. Нить-сосуд тянет за уязвимую сладость в глубину парка. Мимо. Мимо даже наказанного в оранжевом галстуке, который сидит в кустах с неизвестной судьбой, наблюдая двоих с движением-пульсом в выдохе. Не ищущих, но обретающих. Там, в кругу елок и медведицей в венце. Белая рука взявшая ствол и принявшая в себя больше. Иглы-точечки машут и машут. Мелькнуло среди деревьев ксеноном чужой спешки. И запела, запела,

запела стоном ночная птица в женщине, дающей нежностью, драгоценной россыпью звонких выдохов, гладкой прохладой колен, переливом короткого смешка. Радостью дающего у которого взяли с счастьем. А они смотрят в медленной прорезной суете малой ночного парка. Они смотрят, не моргая, с темного свода и топят неслучайное неслучившееся забвение, невстречу. И скользит веревка рассудка по причалу взвешенности. Скользит, скользит и летит в черный провал...

Чаще чащи (рис. Кошкин К.)

Лужки коломенские, склоны, склонны. Гадость-снедь в бумажном пакете. Погода тучками ветрено набегает на лицо, колышет незабудки мыслей. Наливается непогода двумя птицами против течения воздушного. Набирают птицы высоту прорезями перьев на концах изогнутых крыльев. Босые ноги в пальцах земной зелени. Сухие прошлогодние упреки сухостоин трав. Листья исподним переворачиваются ветром слева. Бела телом дама. Написала в альбоме рыжими буквами «kiss me». Написанное потерялось немедленно в траве и смотрит на мужчину в трусах, поворачивающегося на маленьком стульчике, который иначе как пипеткой и не назовешь. И вот оно пялится на мужчину с пипеткой или на пипетке и вся эта конструкция на холме. Ушел в кусты. Белая дама делает глотки красного раствора, рвет траву и навинчивает голубое на прозрачное. Что не подумаешь – все уже думал сто раз. Возьмешься рукой, а там следы давнишние. Вот кораблик плывет в Марьино, бурля на изгибе. Птицы булькают, отказывая ненастью в приюте. Далеко и высоко палочка самолета привозит кого-то издалека. Белая дама рвет листы и трет салфеткой цветные пальцы. Мужчина с пипеткой натягивает носки и ставит стопу пяткой на землю, а пальцы растопыривая. Наверное, дома у него есть ярко-рыжая нитяная мочалка, которой он тщательно трет низ

живота. И не пускает мочалку никуда дальше ванной комнаты. Хоть тресни. Так и останется мочалка узницей. Яркая веселая, дерзкая и вся лишь для того, чтоб тереть посторонний живот. Нет бы он взял ее на прогулку. Пипетку-то – вон, выгуливает. Белая дама шмыгает носом и беспокойно ерзает. Пойду прикоснусь. Теперь. Когда мужчина и его пипетка, покидая ветреные травы, идет к мочалке.

Незабудки мыслей (рис. Кошкин К.)

Ну вот если утром. Утром собираешь себя в день. Ясно ли? Глаза калякают в пространстве новую форму в которую неизвестно впишешься ли. Или впишешься, но с ошибками, которые неясны, хотя бы потому, что до этого ничего такого не было. Невозможно найти ошибку в слове, которое никто не писал, которое не существовало. Так вот и утро. Невозможно же знать, как в нем быть правильно, без ошибок. Надо ли, например, пялиться в стену и шевелить чем-то нечленораздельно. Сразу или потом? Сейчас или через минуту? А вот так встаешь и двигаешься, словно знаешь. Участвовать в этом приятно и тревожно. Присоединюсь. Приклеюсь. Придирчиво скажу. Потом промолчу как лучше. Потом вздохну и пошевелюсь. Хорошо, что дома нельзя делать покупки. Точно бы хотелось новенького к каждому утру. Скопилось бы стопицот расчесок и двадцать всепогодных зажигалок, сто кружек калий-магний-тепло сберегающих, шестьсот подушек на стулья и табуреты. Хорошо, когда утро с кем-то лохматым, сонным и желанным. Вот так и сидишь, вроде также, но по-другому. Знаешь хотя бы, о чем вздохнул. Хорошо, когда нога босая, а потом сразу голая и далеко голая. До самой линии сгиба. И комочки карманов в платье. И все-все-все. И утро наступило.

В узор ночи вплели тела. Линия за линией, поворот к повороту. Строят страстью звезды, треугольники, сплетенья. Дыхание течет тело в тело. Простыни скользят, произносятся: «соитие, соитие, соитие». Жар шепота неясными бусинами слов перетекает по воздуху, по сумраку. Скользит-ложится по коже, за ухо, влажным локоном, прядью в открытый негой рот. Вздох смычком по глухим струнам стона. Поскользила мягкая рука пальцами по складочкам. Сжимает, тянет, голодно ищет прикосновения необходимости, жажды-нужды. Встречается с сестрой и шепчут: «соитие, соитие, соитие». Другое случилось. Повернулась услада к другим утешениям-утехам. Круглое к круглому, сохранившееся к берегущему. Ставится ладонь к животу и держит мир, свернутый в сладость трубочек и потайных бороздок. Рисует на животе знак, поющий: «соитие, соитие, соитие». Заходит, опаздывая, ненасытность, садится на край постели, ложится. Обнимает их. Поторапливает вереницу сладких вздохов на выход, нажимает на волны пушистыми лапами. и еще нажимает. И шепчет: «соитие, соитие, соитие». И улыбается в темноту. И смеется беззвучно и заразительно.

* * *

Утро начиналось так, словно начиналась чужая светлая судьба. Город заголубленный и проступающий силуэтами, пахнущий тяжелыми листьями и сонными людьми. Растекается мягкий гул. Над восточным краем висит параллелепipedная тучища. В ней дорога петляет огненная, проложенная пробивающемуся, встающему новому солнцу. Открытая балконная дверь берет в рамку проходящих утренних шепчущихся. Погружены лицами друг в друга, путают свои волосы. Шепот тихими монетками выкатывается из еле подвижных губ. Мимо окна пролетает птица. Потом еще две. Крылья по воздуху, как эхо неразборчивого лепета на кровати. Птицы шепчутся с рассветом. Женщины шепчутся с сокровенным. Бессонная ночь закатилась за Университет. Взяла фенаминовый билет, облизала нескучного мяса, пальцы и, глотнув рябиновой ночной синевы баролы, разлила что-то рыжее уже на западном крае. Выпустила бессмысленных музейных посетителей в вены Болотной площади. Потомплыли и ставили глаза на чужие, черно-белые лица из параллельной жизни. Снова шли и ехали. Теперь лежат истомленные и обрезают полученное сказуемым и неточным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.